

**«ИНОЕ ЦАРСТВО» СКАЗКИ П. ЕРШОВА «КОНЁК-ГОРБУНОК»
КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ**

М.Ю.Перзек

(старший преподаватель, Кировоградский институт регионального управления и экономики)

У статті розглядається малодосліджена проблема взаємозв'язку жанрового конструкта «іноше царство» і внутрішнього світу головного героя літературної казки.

The article deals with peculiarity of image of “other kingdom” as a way a characteristic of the main hero in the literary tale.

Сказка «Конёк-горбунок» П.Ершова – уникальное произведение в русской литературе. Несмотря на то, что эта книга была единственной в творчестве своего создателя, она была свидетельством яркого, самобытного таланта с большими творческими перспективами, которым по ряду причин не суждено было осуществиться. Выход сказки в 1834 году вызвал самые противоречивые отзывы. Как известно, её крайне отрицательно оценил В.Г.Белинский, ругал журнал «Отечественные записки», цензуре показалось опасным сатирическое изображение русского царства. Ещё при жизни автора сказка то запрещалась, то уродовалась цензурой, то выходила в нелепых подделках и переделках. Вместе с тем «Конька-горбунок» чрезвычайно высоко оценили профессор П.А.Плетнёв, крупнейшие поэты-сказочники В.Жуковский и А.Пушкин. Их положительные оценки произведения молодого автора хорошо известны, да и время утвердило «Конька-горбунок» в качестве одного из лучших образцов стихотворной литературной сказки.

Вопрос об источниках сказки П. Ершова до сих пор остается дискуссионным. Так, ряд исследователей считает, что писатель лишь обработал готовый сюжет (А.Ярославцев, А. Гуревич). По мнению Н.Трубицына, З.Ерошкиной, М.Путинцева, «Конёк-горбунок» представляет «попурри» на темы русских народных сказок. И.Лупанова, анализируя фольклорный материал, доказывает, что в основу положен целостный народно-сказочный текст. Своеобразный итог научной дискуссии подводит Л. Дереза, указывая, что сегодня «предпочтительнее точка зрения, согласно которой сказка Ершова представляет собой не пересказ сюжета какой-то одной сказки, а сплав, контаминацию различных сказочных мотивов и тем... На основе многих сюжетов народных сказок Ершов создал оригинальное произведение, отличающееся художественной цельностью и логической завершенностью» (1,91). При этом в «Коньке-горбунке» соблюдены все «незыблемые законы жанра, принципы сказочной композиции» (2,11).

Особенности изображения тридцатого царства как необходимой композиционной составляющей волшебной сказки в произведении П.Ершова наиболее подробно рассматриваются И.Лупановой в монографии «Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века».

Так, исследователь указывает, что Ершов, как и Пушкин, по-своему комбинирует художественные приёмы народных мастеров, дополняя их новыми, базирующимися на максимальном раскрытии потенциальных возможностей художественной формы народных сказок.

Одним из таких приёмов является переплетение бытового и фантастического планов. Ершов своим произведением как бы предвосхищает проникновение реалистической стихии в волшебные сказки (3,257). Характерным для творческой манеры сказочника Ершова является стремление приблизить к слушателю самые фантастические ситуации с помощью оснащения их бытовыми подробностями (3,259). Бытовому осмыслению подвергается у Ершова образ «иноше царства», в которое отправляется герой. Благодаря хорошо продуманному художественному приёму, «иноше царство» ершовской сказки, в отличие от фольклорного, максимально приближается к читателю, делается вполне реальным. Вполне реальные крестьянки, живущие на вполне реальной земле, кладут на край «иноше царства» прялки, как на полку (3,260). Аналогичным образом осмыслена в ершовской сказке и фантастическая фигура кита. Как указывает Лупанова, поэт часто достигает реализации фантастики путём описания того или иноше чудесного момента через призму восприятия Ивана, проводящего параллель между диковинками и вещами крестьянского обихода, что позволяет как бы сорвать с чудесных явлений ореол таинственности, облечь их в плоть и кровь (3,260-261). Исследователь верно подмечает эти особенности художественного метода Ершова в изображении «иноше царства», но не рассматривает их в связи с духовной эволюцией внутреннего мира Ивана, младшего из трёх братьев. Попытки проанализировать «иноше царство» как средство характеристики главного героя предпринимаются в настоящей статье.

Композиционно сказка делится на три части, сюжет каждой из которых представляет законченное целое. Объединяющим их началом служат образы сказителя и пары главных героев – Ивана и Конька-

горбунок. Точно так же и внутрисказочная картина мира разделена на три части, каждая из которых служит местом разрешения доминантного конфликта:

1. Иван, Конёк-горбунок и братья;
2. Иван, Конёк-горбунок и царь с прислугой;
3. Иван, Конёк-горбунок и Царь-девица. И, как следствие, каждая из частей имеет собственный хронотоп, элементы наполнения и центр, связанный с местом пребывания главного героя. Вместе с тем эти три части не изолированы друг от друга, а связаны в единое внутрисказочное пространство теми же образами сказителя, парой главных героев и одним сквозным событием – инициацией Ивана.

Рассмотрим хронотоп каждой из трёх частей и значение «иноного царства» для характеристики главного героя.

Начало сказки П. Ершова соответствует народной традиции – место действия – неопределённое и отдалённое царство:

*За горами, за лесами,
За широкими морями...* (4,122).

Вместе с тем уже две следующих строчки указывают на «приземлённость» сказочного царства в представлении автора-сказителя:

*Не на небе – на земле
Жил старик в одном селе* (4,122).

Дальнейшая «исходная позиция» (В. Пропп) типична для сказки:

*У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак* (4,122) сменяется значительно более подробным, чем в народных сказках, описанием обыденных занятий семьи:

*Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой* (4,122).

И столь подробное описание крестьянской жизни, и указание того, что *столица та была недалече от села*, всё это выражает точку зрения автора-сказителя, согласно которой центр, точка отсчёта авторской модели мира находится не в праздном стольном городе, а в обычном трудовом селе.

Не менее подробно описан и конный ряд в столице, и правила торговли, а упоминание городничего, исправников и стрельцов конкретизирует неопределённо-сказочное время в хронотопе авторской сказки. Помимо того, в сказке упоминаются нравы и обычаи, отдельные детали сельского и городского быта, костюмов, название песен. Таким образом, путём включения бытовых деталей, Ершов достигает эффекта реальности в описании сказочного хронотопа.

При этом, несмотря на реализм, в авторской модели мира тридцатое царство где-то совсем неподалёку – чудесная кобылица забредает на крестьянские поля, Жар-птица теряет перо. Появление персонажей, несущих семантику «иноного царства» (5,281-297), сразу переводит реальный план в условно-реальный, а бытовую сказку – в волшебную.

Элементы описания кобылицы – белая, как зимний снег масть, золотая грива, необыкновенные свойства, – всё указывает на то, что она обитательница «иноного царства». Таковы же и *два коня золотогривых* – её сыновья:

*Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты* (4,130).

Обилие красоты и блеска – необходимый признак «иноного царства», как и обилие света от пера Жар-птицы:

*Светит поле словно днём;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится...* (4,137).

И, конечно же, волшебный игрушечка-конёк, носитель совершенно иных качеств – необыкновенной силы, выносливости, скорости, доброты и мудрости.

В оценке всего, что связано с «иным царством», мнение автора-сказителя и главного героя Ивана не совпадают. У главного героя всё, имеющее принадлежность к тридцатому царству, вызывает негативно-пренебрежительное отношение. У автора же, напротив, восхищение. Так, авторское описание великолепной кобылицы:

Вся, как зимний снег, бела,

Грива – в землю, золотая,

В мелки кольца завитая... (4,125), – сменяется Ивановым: *Вишь, какая саранча!* (4,127). Домашним он объясняет, что всю ночь усмирял *чёрта* (4,129). Далее, «чудо-огонёк» – перо Жар-птицы – тоже вызывает у Ивана негативную реакцию: *Что,- сказал он,- за шайтан!* (4,137). И братьям он объясняет, что *Пень горелый увидал...* (4,138).

Полностью соглашаясь с мнением И.Лупановой о том, что Ершов часто достигает реализации фантастики путём описания того или иного чудесного момента через призму восприятия Ивана и это позволяет как бы сорвать с чудесных явлений ореол таинственности, облечь их в плоть и кровь (3,260-261), мы считаем, что автор, помимо реализации фантастики, представляя две разные точки зрения, подчёркивает некоторую ограниченность крестьянского мировосприятия, которая затем постепенно будет преодолеваться главным героем. Таким образом, «иное царство» своим незримым присутствием не только побуждает к равнанию дальнейшие сказочные коллизии, но и позволяет проявить отдельные черты характера героя. Это касается не только Ивана, но и его братьев.

Для старших братьев сказка заканчивается обретением своего «жирного иного царства», воплощением «воровской мечты» (6,101).

Ну, Гаврило, в ту седмицу

Отведём-ка их в столицу:

Там боярам продадим,

Деньги ровно поделим,

А с деньжонками, сам знаешь,

И попьёшь, и погуляешь,

Только хлопни по мешку (4,132).

Затем они

Деньги царски получили...

Дома дружно поделились,

Оба враз они женились,

Стали жить да поживать

Да Ивана поминать (4,143).

Таким образом, доминантный конфликт первой части разрешён. Автор реализует представления старших братьев о счастье, создав для них «жирное царство» здесь и сейчас, включив его в состав условно-реального мира.

Ивану же уготована совсем другая судьба. Следуя фольклорно-сказочной традиции, Ершов подчёркивает его «отмеченность». Иван – младший из трёх сыновей; не такой как все, по житейским представлениям, – дурак; валяется на печи, то есть, прочно связан с очагом и культом предков; почитает отца, не обманывает его, в отличие от старших братьев; именно ему удаётся укротить кобылицу и получить в дар волшебного конька. Именно ему уготовано судьбой и иное «тридцатое царство», отличное от судьбы старших братьев.

Во второй части сказки «Конёк-горбунок» пространственные границы авторского мироздания существенно расширяются. Решение доминантного конфликта «Иван и конёк-горбунок – царь с прислугой» требует отправки Ивана непосредственно в «иное царство», которое в первой части было лишь обозначено как потенциально существующее – из него в условно-реальный мир попадают чудокони и перо Жар-птицы.

Приказ царя достать Жар-птицу (трудная задача) и сборы в дорогу с подробным перечислением всего, что берёт с собой Иван, – *корыто, пишено, заморское вино* (4,154), – всё соответствует традициям волшебной народной сказки. В духе фольклорной традиции и краткость в описании перемещения героев:

Едут целую седмицу,

Напоследок, в день осьмой,

Приезжают в лес густой (4,154).

По всем признакам это «иное царство». Оно достаточно удалено от условно-реального мира, скрыто густым лесом. Пейзажи там несказанной красоты: гора из чистого серебра, солнечный свет, золотой

блеск, яркое пламя от Жар-птиц, – всё это традиционные фольклорные признаки «иноного царства» (5,281-297). При этом обе группы признаков описаны автором значительно подробнее, чем в народных сказках.

Во второй части сказки сохраняется различное отношение автора-сказителя и Ивана ко всему, что связано с «иным царством». Так, восторженное описание чудесной поляны принадлежит автору, Ивана же волнует, как бы не обжечься об Жар-птицу:

Ну, а если обожгуся?

Рукавички взять придётся:

Чай, плутовка больно жгётся (4,156).

Здесь и крестьянская осмотрительность, и мужицкая основательность, и всё та же ограниченность простонародного мировоззрения, подмеченная автором ещё в первой части сказки.

Отношение Ивана ко всему, что связано с «иным царством», по-прежнему пренебрежительное. Появление Жар-птиц он встречает словами:

ТЬфу ты, дьявольская сила!

Эк их, дряни, привалило! (4,156).

Вместе с тем Иван по-своему тоже восхищается чудо-птицами:

Неча молвить, страх красивы!

Ножки красные у всех..., но сопоставляет их с хорошо знакомым крестьянским бытом:

А хвосты-то – суций смех!

Чай, таких у куриц нету.

А уж сколько, парень, свету,

Словно батюшкина печь! (4,156).

Заканчивается поимка Жар-птицы тоже исключительно крестьянской забавой:

...дай птиц-то мне пугнуть! (4,157).

Дальнейшее развитие темы «иноного царства» в авторской сказке связано с очередным испытанием – необходимостью разыскать и доставить во дворец Царь-девицу.

Здесь описание «иноного царства» и отношения к нему писатель вкладывает в уста нового персонажа – слуги-сказочника. В сказке «О прекрасной Царь-девице», которую он рассказывает, *далёкие немские страны* (4,160) обладают всеми приметами тридесятого царства. Золотая шлюпка, серебряное весло, красный полубубок Царь-девицы, её родство с солнцем и месяцем – всё это признаки «иноного царства», характерные для фольклорных сказок (5,281-297). Но простонародное отношение к нему как *басурманскому* и *поганскому* (4,160) повторяет оценку Ивана. Сохраняется и пренебрежительное отношение Ивана к диковинкам «иноного царства». Для него Царь-девица

Эта вовсе не красива:

И бледна-то, и тонка,

Чай, в обхват-то три вершка;

А ножонка-то, ножонка!

ТЬфу ты! Словно у цыплёнка!

Пусть полюбится кому,

Я и даром не возьму (4,165).

Далее Иван грозит ей: *Нет, постой же ты, дрянная!* (4,166) и обходится с Царь-девицей достаточно беспардонно:

Тут в шатёр Иван вбегаёт,

Косу длинную хватает... (4,167).

В **третьей части** литературной сказки П. Ершова раскрывается вся безмерность и безграничность мироздания.

В процессе добывания Иваном перстня и выполнения поручения Царь-девицы изменяется вектор освоения «иноного царства». Если в предыдущих испытаниях Иван и Горбунок перемещались по горизонтали – на восток, то в третьей части сказки герои попадают на небо, а поиски перстня приводят их в глубину моря-океана.

Таким образом, автор завершает построение многомерной модели «иноного царства», которое включает леса, горы, небесное и морское царство с соответствующими обитателями – персонифицированными небесными светилами, царством рыб, в котором даже наблюдается сословная иерархия. Несмотря на многосоставность «иноного царства» авторской сказки, все отдельные части и персонажи связаны между собой в прекрасное и гармоничное единое целое, что отражает писательскую интерпретацию древнейшего мифологического представления восточных славян о взаимосвязи всех объектов вселенной.

В процессе постижения «иноного царства» изменяется и сам главный герой. Месяцу он представляется как *Иванушка Петрович* (4,176). И пророчество Месяца Месяцовича, что *не старьей, с бородой,/А*

красавец молодой / Поведёт тебя к налою (4,179) говорит о том, что в небесной вышине видна истинная сущность главного героя.

Для сохранения небесной красоты и гармонии на земле необходим брак с Царь-девицей, который делается возможным в результате магической помощи Конька-горбунка. Купание в трёх котлах и чудесное преображение Ивана означают инициацию и делают возможным его женитьбу и воцарение на престоле. Фактически автор показывает эволюцию внутреннего мира героя, преодоление им ограниченности крестьянского мировоззрения, возвышение до мировой гармонии и слияние с нею.

Сигналом о завершении этого процесса является синхронное восприятие «инога царства» автором и героем в третьей части сказки «Конёк-горбунок». Восторженное описание небесных полей принадлежит уже Ивану:

*Эко диво! Эко диво!
Наше царство хоть красиво, –
Говорит коньку Иван
Средь лазоревых полей, –
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,*

А уж светлая какая!.. (4,175), что является следствием преображения его внутреннего мира. Так, по мере раскрытия образа сказочного запределья, П.Ершов показывает эволюцию отношения главного героя к «иному царству» как отражение внутреннего развития и духовного роста Ивана. Этот процесс показан поэтом как постепенное постижение героем «инога царства» – от негативно-пренебрежительного отношения в первой части до восхищения в третьей части сказки.

Таким образом, можно констатировать, что положение Е.Трубецкого о зависимости характера «инога царства» народных сказок от «жизнечувствия» героя-искателя не только подтверждается в сказке литературной, но и находит в ней дальнейшее развитие и углубление. Если у философа из него следует вывод о разных царствах, соответствующих разным персонажам, то в сказке П.Ершова «иное царство» существует как прекрасная объективная реальность, независимая от героя. В начале произведения «незрелый» герой просто не способен увидеть его красоту и совершенство.

На наш взгляд, в подобном авторском переосмыслении основ народной сказки заложен глубочайший смысл, существенно увеличивающий имманентный нравственный потенциал литературного извода сказочного жанра по сравнению с фольклорным инвариантом. Так, наличие «жирного инога царства» не предполагает эволюции героя – ему и так «обломится», как старшим братьям из «Конька-горбунка». В то же время прекрасное и возвышенное «иное царство» для своего постижения требует от героя тяжёлой внутренней работы и духовного роста. Так, Иванушка из сказки Ершова в результате внутренней эволюции оказался способен увидеть его красоту. Наличие в ряде литературных сказок первой половины 19 века «инога царства», которое носит исключительно прекрасный характер и стимулирует духовный рост героя, позволяет говорить о формировании тенденции, способствующей, на наш взгляд, существенному углублению нравственной философии сказочного жанра в его последующем развитии.

1. Дереза Л.В. Романтизм и русская литературная сказка первой половины XIX века – Полтава, 2003.
2. Лупанова И.П. Ершов П.П. Конёк – Горбунок. Стихотворения /Вступ. ст. И.П.Лупановой. – Л., 1976.
3. Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. – Петрозаводск, 1959.
4. Ершов П.П. Конёк-горбунок // За горами, за лесами...Сказки русских писателей первой половины XIX века /Сост. Грихин В. – М., 1988.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986.
6. Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учёба. – 1990. – Кн. 2.